

«ДУМА» И «МЫСЛЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Одним из важнейших фрагментов языковой картины мира является фрагмент «Интеллект», отражающий когнитивную деятельность человека, направленную на осмысление самой этой деятельности. Рассмотрение данного фрагмента представляется особенно интересным, поскольку природа языкового знака определяется сопряженностью деятельности сознания и деятельности языка, вписывающейся в речемыслительный процесс [1: 10]. В круг единиц, обозначающих интеллект, наряду с единицами, номинирующими интеллектуальные свойства личности и интеллектуальную деятельность человека (см.: подробнее об этом [3]), входят единицы, связанные с обозначением продуктов мыслительной деятельности, в том числе лексемы *дума* и *мысль*.

В толковых словарях русского языка данные лексемы определяются как семантические синонимы. В словарных дефинициях лексем *дума* и *мысль* присутствует общий семантический компонент: 'то, что заполняет сознание', — и используется синонимическое толкование, которое может быть сведено к суждениям: *дума* — это *мысль*; *мысль* — это *дума*. Семантические различия между единицами *дума* и *мысль* заключаются в том, что лексема *дума* обозначает не просто *мысль*, а *мысль* глубокую, всепоглощающую. Полагаем, что отличия *думы* и *мысли* с большей очевидностью можно выявить благодаря концептуальному анализу.

Обратившись к анализу концептов «Дума» и «Мысль» в русском языке, отмечаем, что у *думы* и *мысли* достаточно много общего. Появление *думы* и *мысли* предполагает определенные интеллектуальные усилия (*держат в уме (в голове, в памяти)*; *думать думу (думушку)*; *Кто думает, до чего-нибудь додумается*), в *думы* и *мысли* человек погружается, уходит (*войти в мысль*). Определенная *дума*, *мысль* может заполнять сознание человека в течение длительного времени (*иметь в*

мыслях, иметь в думах), особенно если *мысль, дума* связаны с чем-то важным, значимым для человека: это будущее, желаемое, сокровенное (*мысли о будущем, думы о будущем*). Хотя иногда *дума, мысль*, занимающие много времени и отнимающие много сил (*войти в мысль*), могут оказаться пустыми, чрезмерное обдумывание той или иной *думы, мысли* иногда не оправдывает себя (*пустые думы, пустые мысли*), объектом *думы, мысли* оказывается что-либо незначимое. Заметим, что объектом *думы* может быть и сама дума (*думу думать*), тогда как *мысль* в такой роли выступать не может.

Думы и мысли могут определяться эмоциональным состоянием человека: быть невеселыми или веселыми, радостными или безрадостными (*Приказы не обсуждают — и Петр Анисимов убыл в Москву с невеселыми думами: не для того кончал он Высшее военно-морское училище, чтоб заниматься черт знает чем на берегу — А. Азольский*; здесь и далее в качестве иллюстраций используется материал, представленный в Национальном корпусе русского языка); могут и сами определять его эмоциональное состояние (*Тревожат думы всякие, и жизнь все больше разочаровывает — В. Гельфанд*), полностью занимать, захватывать человека (*На работе у Тани были только чай и сахар, а Варвара и того не попила, занятая своими думами — Т. Устинова*).

Мысль и дума безграничны, но у них есть и место обитания — голова (*Муки творчества, я думаю, переживают не только поэты, в собачьих делах муки не меньше, и тоже вдруг ночью приходит в голову иногда ясная мысль, от которой потом начинаются новые пути в исканиях — М. Пришвин*); *Такие астероиды-думы* проносились, сталкивались, потом уже *крупницы, а вскоре и вовсе пыль закружила в ее голове настоящим торнадо — У. Нова*). В свою очередь дума и мысль могут быть вмещалищем для переживаний, страданий, могут вмещать все, что окружает человека (*из ума не выходит; И сразу же обступила его в мыслях тёплая блистающая вода, и он резал её, отталкивая от себя ногами... — И. Грекова*).

Дума и мысль одушевлены, что отражается в метафорическом представлении процесса появления *думы и мысли*. Появление мысли уподобляется физиологическому процессу

(*мысль зарождается, мысль умирает*), однако думе стадии жизни не присущи.

Подобно человеку *мысль* и *дума* могут выступать субъектом деятельности (*И чувство свободы и сама гордая мысль учили, что человек должен быть равнодушен там, где он не может быть сильным* — И. Анненский), объектом действия (*Тогда блажен, кто крепко словом правит И держит мысль на привязи свою, Кто в сердце усыпляет или давит Мгновенно прошибившую змию* — А. Пушкин); *За обедом или завтраком он иногда выпьет две-три рюмки водки — точно забыться хочет от чего-то, прогнать тяжелые думы* — П. Краснов). При этом характеристики *думы* и *мысли* как субъекта деятельности и объекта действия несколько различаются: *мысль* может убить человека, думе это действие не присуще, *мысль* может противиться воздействию (*непокорные мысли*), у *думы* такого признака нет.

Мысль и *дума* отождествляются не только с живым существом, но и с предметом, поэтому имеют вес (*тяжелые мысли; легкие мысли; Когда Люба ушла, он тоже стал расхаживать по комнате, глядя в пол, как бы ища её следы, а в голове его быстро, точно белые облака весны, плыли лёгкие мысли* — М. Горький); *Как раньше мальчик Никонов был для него темной точкой, вокруг которой собиралось всё тяжелое и неприятное, так теперь Попова стала магнитом, который притягивал к себе только хорошие, легкие думы и намерения* — М. Горький), протяженность в пространстве (*долгие мысли; долгие думы, глубокие мысли, глубокие думы*), цвет (*черные мысли, черные думы*). Между обозначенными признаками *думы* и *мысли* существует определенная связь: тяжелыми бывают только плохие, черные *думы* и *мысли*. Суммируя перечисленные признаки, можем сказать, что с *думой* и *мыслью* последовательно соотносятся оппозиционные ряды: *черная — тяжелая — невеселая* и *светлая — легкая — веселая*, что подтверждает близость концептуальных признаков описываемых концептов. Среди физических характеристик *мысли* выделяется способность пропускать свет, но этот признак присущ только *мысли* (*прозрачные мысли, туманные мысли*).

В оценке *думы* и *мысли* также содержится много общего. *Дума* и *мысль* бывают великими, судьбоносными, диктую-

щими действия отдельного человека и множества людей, но грязными бывают только мысли (*Она была изрядно удивлена тем, что кому-то из ее коллег вообще могли прийти в голову такие грязные мысли* — А. Геласимов). Мысль имеет и еще одно отличие. Она подвижна, динамична, порывиста (*Мои мысли — мои скакуны, / Вас прищипоривать нету нужды, / Вы аллюром несётесь / И не признаёте узды* — О. Газманов); *Повторяю* — это была не мимолётная мысль, это была совершенно твёрдая, хотя и мгновенно созревшая, уверенность, хотя я и сам не знаю, как и откуда она запала мне в голову — Ю. Домбровский), у думы такой динамичности нет: мысли скачут, прыгают, летят, обгоняют друг друга, а дума с движением не связана.

В бытовом сознании дума и мысль как элемент рассудка противопоставляются чувствам (*жить сердцем; жить головой; холодная голова, горячее сердце, чистые руки* (афоризм, приписываемый Ф. Дзержинскому): дума и мысль связаны с головой, чувства — с сердцем. Считается, что глубокие думы, умные мысли могут быть у человека, имеющего жизненный опыт, отличающегося правильным образом жизни (*Молодость плечами покрепче, старость головою; Хмельной да сонный не свою думу думают*), хотя бывает и иначе, когда дума, мысль оказываются губительны для человека (*От думки с ума сошел*). При этом априори существует представление, что в думе всегда проявляется высокий интеллект, поэтому дума в отличие от мысли никогда не определяется как умная или глупая (*умная мысль, глупая мысль*), она бывает лишь крепкой (*крепкая дума*).

В жизни человека дума и мысль занимают много места, поэтому их характеристики разнообразны, но практически всегда связаны с оценкой. Мысли могут быть уместными и неуместными (*лишние мысли*), своевременными и запоздалыми (*своевременные мысли*), достойными и недостойными (*недостойные мысли*), а также опасными, роковыми (*Но стоило Чумакову испытать это злое чувство, как из скорлупы его и выпулилась последняя роковая мысль* — О. Павлов). Разнообразные характеристики мыслей определяют отношение к ним, которое может быть связано с самыми разными оценками: *хорошие мысли, плохие, нежелательные* и т. п. По отношению к думе такого разнообразия оценки нет: позитивная оценка связана с высокими, великими думами, негативная — с черными

думами. Обобщая, можно заметить, что в метафорическом представлении *думы* и *мысли* достаточно последовательно присутствует оценочная коннотация, при этом оценка *мысли* выражается более разнообразными лексическими средствами, что проявляется в сочетаемости лексемы *мысль*.

Отличия *думы* и *мысли* появляются на уровне фразеологии. Лексема *дума* входит в состав лишь одного фразеологизма, уже отмеченного ранее (*думу думать*), тогда как лексема *мысль* входит в состав целого ряда фразеологических единиц, благодаря чему образ мысли становится более ярким и живым (*мысли разбегаются, мысль лезет в голову, мысли покидают голову*).

Различие в восприятии лексических единиц, связанных с обозначением продукта деятельности интеллекта, трудно объяснить только с опорой на их лексикографическую интерпретацию. Подобное суждение высказано Н. В. Патроевой [2] в процессе анализа лексем *рассудок* и *разум* в русском литературном языке, и оно подтверждается при обращении к лексемам *дума* и *мысль*. Очевидно, что при всей общности *думы* и *мысли* данные концепты разграничиваются в нашем сознании. *Дума* — это весомые, значимые продукты деятельности разума человека, *мысль* — самые разные. Значимость, весомость *думы*, вероятно, всегда присутствует на уровне коннотации, поэтому не требуется дополнительных лексических маркеров для указания на данный признак. *Дума* стабильна, ее развитие не связано с рождением и смертью, с движением, она требует к себе определенного уважения: в отличие от мысли *думы* не *лезут в голову*. Особенно ярко различия между *думой* и *мыслью* проявляются в процессе метафоризации, в образном определении *думы* и *мысли*, а также на уровне фразеологических единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
2. Патроева Н. В. Лексемы «рассудок» и «разум» в системе русского литературного языка // Междунар. конгр. по когнитив. лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2008. С.138–140.
3. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.